

Гамп и компания

Автор:

Уинстон Грум

Гамп и компания

Уинстон Грум

Азбука-бестселлер

«Мир уже никогда не будет прежним после того, как вы его увидите глазами Форреста Гампа» – гласил слоган к знаменитому фильму Роберта Земекиса с Томом Хэнксом и Робин Райт в главных ролях, номинированному на тринадцать «Оскаров», получившему шесть и ставшему одной из самых кассовых картин в истории кинематографа. Те же слова в полной мере применимы и к легшему в основу фильма роману Уинстона Грума – и к его продолжению. Итак, после того как креветочная компания Гампа обанкротилась, Форрест застрял в Новом Орлеане, где подметал полы в стрип-клубе. Но одна случайная встреча со старым знакомым повлекла за собой другую – и вот уже Форрест пытается вернуться в большой спорт, сопровождает полковника Оливера Норта в Иран на тайные переговоры с аятоллой Хомейни, а затем, играя в футбол под Берлинской стеной, ненароком меняет курс истории...

Роман публикуется в новом переводе.

Уинстон Грум

Гамп и компания

Моей восхитительной жене Энн-Клинтон Грум, которая на протяжении всех этих восхитительных лет была рядом с Форрестом

МОЛИТВА ДУРАКА

Пир отшумел, стихает суета,
Вельможи разъезжаться собрались,
Но в этот миг зовет король шута:
«Дурак, нам на потеху помолись!»
Шут тут же сдернул с головы колпак.
Усмешки горечь скрыл нелепый грим.
От богохульства съежился дурак,
А двор во все глаза следил за ним.
Ослушаться монарха шут не смел.
Колена преклонил и молвил так,
Под маской грима побелев как мел:
«Помилуй Господи меня, ведь я дурак».
.....
Его величество в молчаньи с трона встал
И, чтоб не услышал ни друг, ни враг,
В сад удалился и смиренно прошептал:
«Помилуй Господи меня, ведь я дурак».

Эдвард Роуленд Сил, 1868

©?Е. С. Петрова, перевод, примечания, 2018

©?Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018 Издательство АЗБУКА®

* * *

Глава 1

Я вам так скажу: ошибки случаются у всех, не зря же перед плевательницей всегда кладут резиновый коврик. Но мой вам совет: никому не давайте снимать кино про вашу жизнь. Правдиво получица или нет – это дело десятое. Просто вас потом задержают: начнут с вопросами приставать, телекамеры сувать в физиономию, аффографы требовать, расхваливать на все лады. Ха! Кабы брехню грузили бочками, я бы в бочкари поддался и зашибал поболее, чем господа Дональд Трамп, Майкл Маллиген и Айвен Бозоски в месте взятые. Но об этом чуть позже.

А для начала позвольте ввести вас в курс моих скорбных дел. За последний десяток лет со мной не мало всего произошло. Во-первых, я стал на десять лет старше, а это не так весело, как некоторые думают. В волосах седина, да и прыти поубавилось – это сразу ясно стало, когда я сделал попытку вернуца в американский футбол, чтобы подправить свое положение.

Когда весь мой бизнес накрылся медным тазом, застрял я в Новом Орлеане, причем оставшись совсем один. Устроился подметалой в стрип-клуб «У Ванды», который работал до трех часов ночи, так что дни у меня были обычно не заняты. Как-то в позний час сижу я в углу, смотрю, как моя подружка Ванда исполняет свой номер, и тут где-то впереди разгараеца не хилый кипеш. Зрители орут, ругаюца, переворачивают столы, стулья, швыряют пивные бутылки, бьют один другого по головам, девушки верещат. Меня это не особо встревожило, поскольку такие заварухи случались там раз заразом.

В толпе мелькал один громила, который размахивал пивной бутылкой так, как умел только один тип, мой знакомый по алабамскому универу. И что вы думаете: это он и оказался – старина Змей, наш квотербек, который двадцать лет назад на стадионе Апельсинового кубка в четвертом дауне выбросил мяч за пределы поля, чтобы остановить время в матче с кукурузниками из Небраски. Мы, конечно, игру слили, из-за чего меня в оконцовке отправили во Вьетнам, – ну, чего уж теперь, дело прошлое.

Короче, подхожу, выхватываю у Змея бутылку, а он, на радостях, что меня увидел, как даст мне по кумполу, что, конечно, было ошибкой, поскольку он вывихнул запястье, разорался, завелся, а в это время как раз подоспела полиция, и нас уволокли в каталашку.

С каталашкой я, надо сказать, знаком – попадал туда нераз. Утром, когда народ протрезвел, надзиратель принес нам жареной колбасы с черствым хлебом и стал допытываца, не желаем ли мы кому-нибудь позвонить, чтоб за нами приехали. Змей от злости совсем с катушек слетел и говорит:

– Форрест, каждый раз, когда мне на пути встречается твоя тупая рожа, я попадаю в какую-нибудь передрагу. Смотри: десять лет тебя не видал – и вот пожалуйста. До тюрьги докатился!

Я только покивал, потому как возразить было нечего.

Короче, кто-то внес залог: за Змея с дружками, а заодно и за меня, чему ихний благодетель не особо обрадовался, и Змей меня спрашивает:

– За каким хреном ты вообще сунулся в это злачное место?

Когда я сказал, что работаю там уборщиком, Змей как-то странно на меня вылупился и говорит:

– Дьявольщина, Гамп, я же думал, ты до сих пор заправляешь креведочным бизнесом в Байю-Ла-Батре. Что случилось? Ты ведь миллионером был.

Пришлось рассказать ему всю грусную историю про банкротство моей компании.

Чертовски устав от заморочек с бизнесом, я отошел от дел. Управление компанией передал в руки моей мамы и друзей: летенанта Дэна, с которым мы познакомились во Вьетнаме, и мистера Триббла, grosмейстера, обучившего меня игре в шахматы. Сначала умерла мама, и к этому добавить больше нечего. Затем мне позвонил летенант Дэн и сказал, что увольняеца, потому как всех денег не заработаешь и тогдалее. А потом пришло письмо из налоговой инспекции, в котором говорилось, что за неуплату налогов мне грозит закрытие производства с конфискацией лодок, строений и протчего, а когда я примчался посмотреть, что

же там делаеца, оказалось, что там не делаеца вообще ничего. Строения пустуют, земля поросла бурьяном, телефоны отключены, свет обрублен, а к дверям прилеплена бумашка от шерифа: дескать, «имущество арестовано за долги». Я решил наведаться к папе Буббы и разузнать, что к чему. Бубба был мне напарником и другом, мы с ним воевали во Вьетнаме, где он и погиб, но его папа мне всю дорогу помогал, вот я и прикинул, что от него смогу узнать, как такое стреслось. Прихожу и вижу его на крыльце: сидит с убитым видом.

- Что, - спрашиваю, - приключилось с креведочной компанией?

Он покачал головой.

- Форрест, - говорит, - все это так грусно и тягосно. Боюсь сказать: ты теперь банкрот.

- Но почему? - спрашиваю.

- Тебя, - говорит, - предали.

И поведал мне такую историю. Пока я проголождался в Новом Орлеане, старый добрый летенант Дэн, прихватив с собой Сью, моего друга-обезьяна, а если более точнее - оран-мутана, вернулся в Байю-Ла-Батре, чтобы помочь в решении проблем компании. Дело в том, что мы отлавливали не достаточно креведок. А всем почему-то приспичило жрать креведки. Даже в Индианаполисе, где еще пару лет назад слыхом не слыхивали о креведках, посетители каждой забегаловки хором требовали, чтоб днем и ночью им подавали большие порции креведок. Мы старались ускорить промысел, но креведок становилось все меньше и меньше, поэтому через несколько лет у нас уже не выходило и половины первоначального улова, да и вообще по всей стране начался креведочный бум.

Дальнейших подробностей папа Буббы не знал, но видел, что дела идут из рук вон плохо. Первым слинял летенант Дэн. На глазах у Буббиного папы он уезжал на шикарном лимузине вдвоем с дамочкой (на шпильках и в блондинистом битловском парике), да еще махал из окна двумя бутылками шампанского. Вторым сдернул мистер Триббл. Просто в одночасье исчез, а следом и все остальные, поскольку им перестали платить. В конце концов остался один Сью, который принимал телефонные звонки, но когда телефонная компания

отключила связь, ушел и Сью. Наверно, понял, что больше никакой пользы принести не сможет.

- Обобрали тебя до нитки, Форрест, - сказал отец Буббы.

- Кто конкретно, - спрашиваю, - меня обобрал?

- Да все, - говорит он. - Дэн, мистер Триббл, секретутки, рыбаки, конторские крысы. Каждый хоть чем-нибудь, да пожевился. Даже обезьян Сью. Я сам видел, как он драпал за угол с компьютером подмышкой.

Что и говорить, новости были не утешительные. Просто бездец! И Дэн. И мистер Триббл. И Сью!

- Ничего не попишешь, - изрек отец Буббы. - Остался ты на бобах, Форрест.

- Ну и ладно, - говорю. - Мне не привыкать.

Вобщем, делать было нечего. Нахапали - пусть подавляца. В ту ночь я долго сидел на одном из наших причалов. Над заливом Миссисипи взошел жирный полумесяц и кабудто завис над водой. А я думал: была бы жива мама - у ней бы муха не пролетела. И еще я думал о Дженни Каррен (или как там теперь ее по фамилии) с малышом Форрестом, который на самом-то деле - мой родной сын. Я ведь пообещал ей долю в креведочном бизнесе, чтоб у Форреста-младшего были какие-никакие сбережения на черный день. А сам что? Раззорился. Одно дело - когда ты молот и не связан никакими обязательствами. Но мне-то, блин, уже за трицатник перевалило, а я еще хотел обезпечить малыша Форреста. И что из этого вышло? Опять я пролетел. Судьба такая.

Встал я, дошел до конца пирса. Жирный полумесяц так и завис на прежнем месте, над водой. Я чуть не заплакал и облакотился на толстое перило. И - черт возьми - оно, сгнивши совсем, подломилось и рухнуло, ну и я с ним в месте. Зараза. Опять я в дураках, стою по пояс в воде. Пусть бы какая-нибудь акула меня сожрала, я б не возрождал. Но акул там не водилось, так что я, выкарабкавшись на берег, сел на приближающий автобус до Нового Орлеана и еле успел в стрип-клуб - уборку делать.

Через день-другой перед закрытием вваливаеца туда Змей. На руку шина наложена из-за вывиха об мою голову, но пришел-то он по другому поводу.

- Гамп, - говорит, - давай сразу к делу. Ты ведь за свою жизнь чем только не занимался - и все ради того, чтобы стать подметалой в каком-то притоне? Ты спятил? Стесняюсь спросить: ты бегаешь так же резво, как в студенческие годы?

- Не знаю, Змей, - говорю. - Не проверял.

- Вот что я тебе скажу, - продолжает он. - Может, тебе извесно, что я нынче квотербек в команде «Новоорлеанские святые». Может, извесно тебе и то, что дела у нас в последнее время идут херово. Слили восемь игр, ни одного очка не взяли, к нам уже кликуха прилипла - «Новоорлеанские пустые»! А на выходных играем с «Нью-Йоркскими гигантами», черт бы их подрал, и будет у нас в турнирной таблице, как пить дать, ноль-девять, а меня, скорей всего, турнут.

- Футбол? - порожаясь я. - Ты до сих пор играешь в футбол?

- Вот идиот! А что ж мне еще делать - играть на тромбоне? Слушай, для воскресного матча с «Гигантами» есть у нас одна заготовка. Освоить ее плевое дело: раз-два потренироваца, вот и все. И ты, сдаеца мне, для этого подойдешь. А если не облажаешься, так еще, глядишь, и карьеру сделаешь.

- Ну, не знаю, Змей. Я ведь на поле не выходил с того раза, когда ты мяч в аут выбросил, чтоб время остановить, и мы продули кукурузникам из...

- Зараза, Гамп, не смей меня носом тыкать - двадцать лет прошло! Уж все забыли - кроме тебя, конечно. Господи, ты в этой пивнухе полы драишь - и отказываешься от такой возможности, какая раз в жизни подворачивается? Совсем тупой, что ли?

Я уже готов был ответить «да», но Змей не дал мне рта раскрыть и начал что-то царапать на салфетке.

- Смотри сюда: вот адрес тренеровочного поля. Приходи завтра ровно в час дня. Покажешь эту записку - и тебя проведут ко мне.

Он ушел, я засунул салфетку в карман и продолжил убираться, а придя с работы, рухнул в койку, но ворочался до расцвета – обдумывал Змеево предложение. Может, он и прав. И вообще: попытка не пытка. Вспомнился мне Алабамский университет, тренер Брайант, и Кертис, и Бубба, и все наши. Даже глаза у меня затуманились, поскольку это было, пожалуй, лучшее времячко моей жизни – фанаты орала, ревела, нам, щитай, равных не было. Короче, встал я, оделся, сходил позавтракать, сел на велик и ровно к часу прикатил на тренеровочное поле «Новоорлеанских святых».

– Повтори: как тебя зовут? – спрашивает охранник, изучая Змееву салфетку. А потом окидывает меня подозрительным взглядом.

– Форрест Гамп. Я когда-то играл в одной команде со Змеем.

– Ну да, ясное дело, – тянет охранник. – Все вы так говорите.

– Но я-то действительно играл.

– Ладно, жди тогда. – Смотрит на меня, как солдат на вошь, и уходит. Через пару минут возвращаеца и только головой качает:

– Все в порядке, мистер Гамп. Следуйте за мной. – И ведет меня в раздевалку.

Я, конечно, не мало здоровяков на своем веку перевидал. Вон игроки Небрасского универа, помница, настоящие бугаи. Но эти молодые парни – они не то что бугаи, они мостодонты! Если я вдруг еще не говорил, у меня у самого рост два метра, а вес под сто десять кило, но эти ребята – каждый с виду сантиметров на пятнадцать выше и килограмм на двадцать, а то и на трицать тяжелей. Один, прецтавательный такой, подходит ко мне и спрашивает:

– Кого-то ищем, приятель?

– Ага, – говорю, – Змея.

– А его нету. Главный тренер его к врачу отправил – он в баре руку вывихнул об башку какого-то кретина.

– Знаю, – говорю.

– А ты по какому вопросу?

– Не знаю, – говорю. – Змей мне посоветовал зайти спросить, может, вы меня возьмете с мячом побегать за вашу команду.

– С мячом побегать? За нашу команду? – Он как-то не добро сощурился.

– Ага. Вообще-то, мы со Змеем вместе играли за Алабаму. Вчера он мне рассказал...

– Погоди-ка, – перебил меня здоровяк. – Тебя, случаем, не Форрест Гамп зовут?

– Ага, точно так.

– Да-да, – отвечает. – Слышал я про тебя, Гамп. Змей говорит, ты носишься, как черт из зада.

– Сейчас не уверен. Давно уж не бегал.

– Я тебе так скажу, Гамп: Змей просил нас тебя посмотреть. Давай заходи, мы тебя приоденем. Меня, кстати, тренер Харли зовут. Я принимающих тренерую.

Отвел он меня в раздевалку, где мне выдали полную форму и прочее. По сравнению с тем, что было у нас в универе, – две большие разницы. За последнее время многое поменялось. Щитков и резиновых нахлабучек стало в двое больше, так что, напялив весь комплект, выглядишь кабудто марсиан, а как встанешь – боишься опрокинуца. Когда я наконец-то управился, все уже на поле разминались.

Тренер Харли жестом подзывает меня к своей группе, которая пасы отработывает, и велит стать в очередь. Я это помню с раньшего времени: выбежать вперед ярдов на десять, резко повернуть – и тебе бросят мяч.

В свой черед выбегаю, поворачиваюсь – и мяч прилетает мне прямо в физиономию, да с такой силищей, что я от удевления спотыкаюсь и падаю.

Тренер Харли головой качает, я встаю, бегу в конец очереди. И потом еще раз четыре или пять даже – пас так и не принял, парни меня уже как-то стороняца. Кабудто я неделю не мылся, что ли.

Через некоторое время тренер Харли начинает кричать и раззоряца, и все оттягиваюца на линию схватки. Разбили нас на две команды, и попыток эдак через несколько тренер Харли снова дает мне знак подойти.

– Так и быть, Гамп, – говорит, – сам не знаю, зачем я это делаю, но все же поставлю тебя принимающим: проверим, сумеешь ли ты мяч поймать, чтобы Змей – он неизвесно когда оклемаеца – не стал посмешищем, а вместе с ним и я.

Бросаюся я туда, где игроки совещаюца, и говорю парням, что я с ними. Квотербек, глядя на меня как на психа, цедит:

– Ладно, Гамп, восемь-ноль-три угловой флагшток на счет «два» – бежишь прямо ярдов двадцать, один раз смотришь перед собой, затем разворачиваешься.

Совещание закончилось, все разошлись по местам. А я даже не знаю, где мое место, иду на обум, а квотербек это заметил и знаками подзывает меня поближе. Начинает счет, происходит розыгрыш мяча, я пробегаю, по своим прикидкам, двадцать ярдов, слегка приплясываю, оборачиваюся – и точно: мяч летит прямо на меня. Я глазом моргнуть не успел, как он чудом оказался у меня в руках, я его прижал к себе и рванул чтоб было сил. Клянусь, пробежал я даже ярдов на двадцать дальше, чем нужно, и только тогда двое амбалов меня повалили.

Тут начался ад промежуный.

– Что за фигня? – орет один.

– Эй, так не делаеца. Что он выдворяет? – возмущаеца другой.

Двое-трое с криками и бранью кинулись жаловаца тренеру Харли. Я встаю и бегу обратно совещаца.

– А чем, – спрашиваю квотербека, – эти ребята недовольны?

– Черт, Гамп, эти парни до того тупые, что теряюца, видя нечто новое. Они ждали, что ты выполнишь мои указания от и до – двадцать вперед, перебираешь ногами, потом угловой флашток. Но ты выполнил только половину, и то шиворот-навыворот. В учебниках такого нет. Хорошо, что я тебя страховал. Но в любом случае пас ты принял классно.

За оставшее время я принял пять пасов или шесть даже, и все игроки, кроме защиты, остались довольны. Змей вернулся от врача и стоял у боковой линии, ухмыляясь и подпрыгивая.

– Форрест, – сказал он, дождавшись окончания схватки, – в воскресенье мы зададим жару этим «Гигантам»! Как нам проперло, что я вчера зашел в твою пивнуху!

Ну, не знаю, так ли это.

Короче, всю неделю я тренировался и к воскресенью уже чувствовал себя вполне уверенно. Змею сняли шину, он вернулся в первый состав в качестве квотербека, первые два тайма провел, как договаривались, и, уйдя на перерыв, счет был 22: 0 в пользу соперников.

– Неплохо, Гамп, – сказал тренер Харли. – Теперь мы им кое-что покажем. Надеюсь, мы усыпили бдительность «Гигантов» и они расслабились. Ждут легкой победы. Но ты их обломаешь.

Потом и он, и другие тренеры отбубнили положенную фигню, и мы вышли на поле.

В первом розыгрыше кто-то из наших прошляпил вбрасывание, что отбросило нас на нашу собственную одноярдовую линию. Тем самым, по выражению тренера Харли, мы еще больше усыпили бдительность «Гигантов». Тренер Харли выпустил меня на поле шлепком по заду, и я вошел в игру. Трибуны вдруг притихли – вероятно, потому, что мою фамилию не успели внести в программку.

Змей смотрит на меня горящими глазами и говорит:

- О'кей, Форрест, время пришло. Сделай это.

Он дал необходимые распоряжения, и я направился к боковой линии. После розыгрыша мяча в начале дауна я рванул через все поле, развернулся - мяча нет. Змея пасует в нашей зачетной зоне пятеро «Гигантов» или шестеро даже, а он туда-сюда, туда-сюда - выгадал, наверно, сотню ярдов, да не в ту сторону.

- Виноват, - говорит он, когда мы столпились на совещание.

Лезет в штаны, достает пласмасовую фляжечку и делает изрядный глоток.

- Это чё такое? - спрашиваю.

- Чистый апельсиновый сок, дурень, - отвечает Змей. - Ты думал, я буду виски глушить, в мои-то годы?

Как говорица, горбатого могила исправит. Но говорица и по-другому: чудеса в решетке! Хорошо, что старина Змей сделал правильный выбор.

Итак, Змей дал мне то же самое задание, и я точно так же рванул вперед. Но теперь фанаты улюлюкают, швыряют на поле бумажные стаканчики, программки и понадкусанные хот-доги. Разворачиваясь, мне в морду прилетел здоровенный гнилой помидор, который кто-то спецом пронес на стадион - только для того, чтобы выказать, как я щитаю, свое неудобрение. Как вы понимаете, это проишествие меня слегка обескорёжило, но только вообразите: подношу я ладони к лицу - и меня застаёт врасплох пас Змея, да такой мощный, что сбивает меня с ног, но мы, по крайней мере, выбрались из ямы. Теперь нам прецтоит первое в этом дауне наступление, и Змей объевляет все ту же тактику. А когда я пытаюсь стереть с лица помидорные ошметки, он мне говорит:

- Ты по ходу следи, что с трибун летит. Фанаты не со зла. Просто у них приколы такой.

Хорошо бы, чтоб «прикол» у них был какой-нибудь другой.

Короче, выхожу я на поле и перед растановкой слышу в свой адрес реально непотребные прозвища и матерщину, смотрю в ту сторону - и кого я вижу: это

же старина Кертис, наш лайнбекер из команды Алабамского универа, только в форме «Нью-Йоркских гигантов»!

Одно время Кертис был моим соседом по комнате в университетской общежитии. До тех пор, пока не сбросил из окна подвесной лодочный мотор на крышу полицейской машины, чем навлек на себя некоторые неприятности. В последствие я дал ему работу в своей креведочной компании в Байю-Ла-Батре. Сколько мы с ним знакомы, Кертис ни разу не начинал ни единой фразы с какого-либо языка, кроме матерного, причем многоэтажного. Из-за этого порой не легко понять, чего ему нужно, – особенно когда до начала маневра остаюца, как сейчас, щитанные секунды. Я слегка ему помахал, и это, похоже, так его удевило, что он оглянулся на ребят из своей команды, – тут уж мы своего не опустили. Я пулей пронесся мимо Кертиса, хоть он и пытался сделать мне подножку, и рванул к центру поля, куда как раз и прилетел мяч от Змея. Даже не замедлив бега, врываюсь в зачетную зону. Тачдаун!

Все наши запрыгали, стали меня обнимать и тогдае, а когда я уходил, Кертис подошел ко мне и сказал: «Ну, жопа, ты даешь!» – такой высокой похвалы от Кертиса, думаю, еще никто не получал. Тут кто-то опять швырнул помидорину, но эта угодила прямо в физиономию Кертису. Впервые в жизни я увидел Кертиса в немом обалдении – мне даже его жалко стало.

– Слышь, – говорю, – Кертис, они не по злобе. Это прикол такой в Новом Орлеане. Прикинь, здесь во время корновала «Мырдигра» с проезжающих платформ в толпу какой только дрянью не кидаюца.

Но Кертис даже слушать не стал, а, повернувшись к трибунам, во все горло обматерил фанатов и для верности всем «фак» показал. Кертис есть Кертис.

Матч получился не скушный. В последней четверти, при счете 28: 22 в нашу пользу, я закрепил успех, поймав подачу с сорока ярдов от запасного квотербека, который сменил Змея – тому за боковой линией штопали ногу, прокушенную кем-то из Гигантов. До конца периода фанаты скандализировали: «Гамп! Гамп! Гамп!» – а после финального свистка меня прямо на поле окружила туча фотографов и репортеров, желавших узнать, кто я такой.

После этого жизнь моя круто переменилась. Потому как за эту первую игру против «Гигантов» руководство «Святых» выписало мне чек на десять тыщ

долларов. А на следующей неделе мы играли против «Чикагских медведей», и я обеспечил еще три тачдауна. Тогда «Святые», как я узнал, назначили мне поощерительную выплату, то есть по тыще за каждую принятую подачу и по десять тыщ за каждый тачдаун. Так что через четыре игры у меня на счету скопилось уже шестьдесят тыщ долларов, а мы поднялись до шестого места в рейтинге и на этом не останавливались. За неделю до следующей игры, против «Детройцких львов», я отправил Дженни Каррен чек на трицать тыщ для маленького Форреста. А после того, как мы сделали «Детройцких львов», «Краснокожих», «Жеребцов», «Патриотов», «Сорокадевятников» и «Самолетов» (именно в таком порядке), я послал ей еще трицать тыщ и прикинул, что к плей-оффу буду вообще в шоколаде.

Однако вышло совсем по-другому.

Мы таки выиграли первенство своей конференции, после чего нам прецтояло играть с «Ковбоями Далласа» у них дома. И все вроде шло отлично. Наши парни раздухарились и в раздевалке хлестали друг друга по заду полотенцами. Старина Змей, бросив пить, был на пике формы.

Подваливает как-то ко мне один из наших ребят и говорит:

– Слышь, Гамп, тебе агент нужен.

– А это чё такое? – спрашиваю.

– Агент, балбес. Это твой официальный прецтавитель, который будет для тебя бабло выбивать. Здесь тебе норовят недоплатить, как и остальным. Зато у нас у всех есть агенты, которые решают вопросы наверху. Ты бы мог зашибать втрое больше.

Ну, я по его совету нанял агента. Мистер Баттерфилд его звали.

Перво-наперво мистер Баттерфилд явился к начальству «Святых» и устроил разборки. А после меня вызвали на ковер и наорали:

– Гамп, ты в этом сезоне уже подписал контракт на тыщу долларов за прием подачи и десять тыщ за тачдаун, а теперь хочешь соскочить? Это что еще за

хрень?

- Не знаю, - говорю. - Я агента нанял...

- Баттерфилд! Агент, мать его за ногу! Да он просто жулик, не знаешь, что ли?

Я говорю, что да, не знаю, а они такие: мистер Баттерфилд, мол, пригрозил снять меня с плей-оффа, если мне не будут платить втрое больше.

- Скажу тебе так, Гамп, - говорит владелец команды, - если пропустишь хоть одну игру из-за гнустной попытки развести нас на деньги, я тебя не только лично вышвырну из команды, но еще и прослежу, чтоб тебя нигде и никогда не брали играть в футбол - по крайней мере, в профессиональный. Усек?

Я сказал, что да, усек, и пошел на тренировку.

На той неделе я наконец бросил работу в стрип-клубе у Ванды. Очень меня изматывал ночной труд. Ванда сказала, что все понимает и что так или иначе собиралась меня уволить, поскольку игроку «Святых» не пристало драить у нее полы. А потом добавила:

- Все теперь приходят посмотреть не на меня, а на тебя, здоровенного остолопа!

За день до нашего отъезда в Даллас я зашел на почту, и там меня ждало письмо из Мобайла, штат Алабама. От Дженниной мамы. Я всегда очень радовался любым весточкам от Дженни или от тех, кто ее знает, но сейчас на меня накатило не доброе прищувствие. В конверте оказалось еще одно письмо, нераспечатанное. То самое, в котором я отправил Дженни чек на трицать тыщ долларов. Я начал читать, но еще не дойдя до конца, захотел сдохнуть.

Миссис Каррен писала: «Дорогой Форрест, не знаю даже, как тебе сообщить. Месяц назад Дженни сильно заболела, а потом слег и ее муж, Дональд. На прошлой неделе он умер. А на другой день умерла Дженни».

Там было еще много чего понаписано, всего не упомнить. Я уставился на первые строчки, руки затряслись, а сердце так заколотилось, что я чуть не отключился.

Вранье! Не могло такого случица с Дженни. С кем угодно, только не с ней. Я же столько лет ее знал, с младших классов, и так любил – никого, кроме мамы, я так сильно не любил. Стою, на письмо крупные слезы капаят, чернило смывают, и видны только последние строчки, в которых говорица: «Малыш Форрест сейчас у меня, я буду его воспитывать, сколько смогу, но здоровье мое пошатнулось, так что, Форрест, если появится возможность, приезжай между своими играми, нам надо серьезно поговорить».

Что я делал дальше – не вспомню, но как-то доплелся до дому, побросал самое необходимое в сумку и в тот же вечер уехал автобусом в Мобайл. Наверно, это была самая долгая поездка в моей жизни. Я оглядывался на все те годы, что связывали нас с Дженни. Как она всегда выручала меня в школе... даже после того, как я нечаяно порвал ей платье в кино... даже в универе, когда она готовилась выступить со своей фолк-группой, а я сунулся, куда не следовало, и в самый неподходящий момент выволок из машины банджоиста... и потом в Бостоне, когда она пела в «Битых яйцах», а я приехал к ней в Гарварцкий универ и ввязался в постановку Шекспира... и даже много позже, когда она застряла в Индианаполисе, где вкалывала на шинном заводе, а я занялся реслингом и ей пришлось мне втолковывать, что я выставляю себя придурком. Нет, этого не может быть, повторял я себе снова и снова, да только словами ничего не изменить. В глубине души я это понимал. Понимал, что все взаправду.

Приехав к миссис Каррен, было около девяти часов вечера.

– Ох, Форрест, – сказала она, обняла меня и разрыдалась, а я не сдержался и тоже заплакал.

Через некоторое время зашли мы в дом, и она, подав мне молока с печеньем, попыталась рассказать, как все случилось.

– Никто не может толком сказать, что это было, – начала она. – Заболели они примерно в одно и то же время. Недуг развивался очень быстро, и они словно таяли. Она не мучилась, не жаловалась. Даже похорошела. Просто не вставала с постели, как в младенчестве. Лежала в своей кроватке. Волосы длинные, красивые, личико ангельское, ничуть не изменилось. А в то утро она....

У миссис Каррен перехватило дыхание. Больше она не плакала. Она просто смотрела в окно, на уличный фонарь.

– А когда я к ней зашла, ее уже не стало. Лежала, как спящая, головой на подушке. Малыш Форрест играл на крыльце, а я... ну... я долго не решалась, но все же позвала его в дом поцеловать маму. Он так и сделал. Ничего не поняв. Я попросила его не задерживаться рядом с ней. На следующий день мы ее похоронили. На кладбище «Магнолия», где у нас семейный участок, – там лежат и отец ее, и бабушка. Под сахарным кленом. А малыш Форрест... не знаю, много ли он понимает. Про отца даже не догадывается. Тот умирал в Саванне, на руках у своих родных. Мальчугану сказали, что мамы нет, но как он это толкует, не берусь судить.

– Можно мне посмотреть?

– На что? – не поняла миссис Каррен.

– Где она лежала. Где находилась, когда...

– Да, разумеется, Форрест. Заходи сюда. Теперь тут спит Форрест-младший. У меня всего две...

– Не хочу, – говорю, – его будить.

– И напрасно, – возрождает миссис Каррен. – Быть может, ему полегчает.

Зашел я в спальню Дженни. На ее кровати спал малыш Форрест. Прижимая к груди плюшевого медвежонка; на лоб упала кудряжка светлых волос. Миссис Каррен хотела его разбудить, но я попросил этого не делать. Я почти что увидел там Дженни, мирно спящую. Почти.

– Пусть отдыхает, – сказал я. – Мы с ним утром повидаемся, время будет.

– Хорошо, Форрест, – ответила она. И отвернулась.

Тогда я коснулся его личика, и он с легким вздохом перевернулся на другой бок.

– Ох, Форрест, – продолжала миссис Каррен. – поверить не могу. Так стремительно. А ведь они, все трое, были, похоже, очень счастливы. Вот горе-то, а?

- Да, мэ, - сказал я. - Еще какое.

И мы вышли из спальни.

- Понимаю, ты устал, Форрест. У нас в гостиной есть диван. Я тебе постелю.

- Знаете, миссис Каррен, я бы лутше переночевал на крыльце - в гамаке. Мне всегда нравился этот гамак. Мы с Дженни, бывало, там сядем и...

- Конечно, Форрест. Сейчас принесу подушку и пару одеял.

Так я и сделал. Всю ночь бушевал ветер, а перед расцветом стал накрапывать дождик. Но холодно не было ниразу. Для тех мест, где я вырос, - обычная осенняя ночь. Да я, считай, и не спал. Все думал про Дженни и малыша Форреста, про свою жизнь, в которой, если вдумаца, я ничего не достиг. Много за что брался, но все бестолку. Да к тому же постоянно влипал в разные перетурбации, причем как раз в те моменты, когда мои дела, как могло показаци, налаживались. Как видно, это мне наказание за мое идиотство.

Глава 2

В общем, наутро выходит на крыльцо миссис Каррен с чашкой кофе и пончиком. Дождь слегка утих, но небо еще было перломудрово-серое, а где-то в далеке рокотал гром, кабудто Господь Бог сердился.

- Ты, вероятно, захочеш побывать на кладбище, - предположила миссис Каррен.

- Да, - говорю, - вероятно.

В действительности я не знал, хочу там побывать или нет. То есть внутренний голос мне поцказывал, что нужно пойти, но я такие места страсть как не люблю.

- Я соберу малыша Форреста, - говорит она. - Он не бывал там со дня... Ну, не важно, ему так или иначе полезно сходить. Пусть привыкает.

Смотрю ей через плечо - и вижу его за дверной сеткой: стоит грустный такой и недоумевает.

- А ты, - спрашивает, - кто?

- Да я же Форрест. Не узнал? Мы с тобой встречались. В Саванне.

- С тобой еще обезьянка прикольная была?

- Ну да - Сью. Только какая ж это обезьянка? Это чистокровный оран-мутан.

- А сейчас он где? С тобой приехал?

- Нет, в этот раз не получилось, - говорю. - У него, как я думаю, дел полно.

- Мы сейчас собираемся проведать мою маму, - сообщил мальчуган, и у меня прям перехватило горло.

- Да, - говорю, - я знаю.

Миссис Каррен усадила нас в машину и повезла на кладбище. Меня всю дорогу бил жуткий мандраш. Форрест-младший смотрел в окно большими печальными глазенками, а я все думал: что же с нами со всеми будет?

Вобщем говоря, на кладбище оказалось довольно красиво, бывает и хуже. Дорожка петляла среди магнолий и дубов. Миссис Каррен остановилась у какого-то большого дерева. Было воскресное утро, и где-то поодаль звонили колокола. Выходим из машины, малыш Форрест глядит на меня снизу вверх, я беру его за руку, и мы идем к могиле Дженни. После дождя под ногами сыро, напали охапки листьев, и красных, и золотых, в форме звездочек.

- Моя мама теперь здесь? - спрашивает малыш Форрест.

- Да, мой родной, - отвечает миссис Каррен.

- Можно ее повидать?

- Нет, но она близко, - говорит Дженнина мама.

Мальчуган держица стойко, этого не отнять: не хнычет, ничего такого - я бы так не смог. Через пару минут подобрал какую-то веточку и отошел в сторону.

- Поверить не могу, - вздыхает миссис Каррен.

- Я тоже, - говорю. - Несправедливо это.

- Пойду я к машине, Форрест. Ты, наверно, захочешь тут один побыть.

Стою я вроде как в ступоре, руки сжав. Кто мне были дороги - все, как принято говорить, ушли. И Бубба, и мама, а теперь вот и бедняжка Дженни. Стал накрапывать дождик, и миссис Каррен увела малыша Форреста в машину. Я тоже повернулся, чтоб уйти, но тут слышу голос:

- Форрест, ничего страшного.

Поворачиваюсь - никого.

- Я сказала: ничего страшного, Форрест, - повторяет все тот же голосок.

Да ведь это... Но такого же не может быть... Это Дженни!

Вот только кругом безлюдно.

- Дженни! - позвал я.

- Да, Форрест. Я лишь хотела тебе сказать, что все образуется.

Не иначе, думаю, как у меня глюки! Но тут я внезапно ее увидел: наверно, только в мыслях, но она была рядом, красивая, как прежде.

– Форреста-младшего ты заберешь к себе, – говорит она, – и вырастишь его сильным, умным и достойным. Ты справишься, Форрест, я знаю. У тебя щедрое сердце.

– Но как? – спрашиваю. – Я же идиот.

– Ничего подобного! – говорит Дженни. – Может, ты и не самый умный парень в округе, но здравомыслием не обделен, в отличие от многих. Тебя ждет долгая жизнь, Форрест, постарайся прожить ее с толком. Я же повторяла это много лет.

– Знаю, но...

– Если вдруг зайдешь в тупик, я буду рядом. Ты меня понимаешь?

– Нет.

– Ну ничего, все равно я буду рядом. Так что возвращайся к своим делам, не сиди сложа руки и постарайся обдумывать каждый шаг.

– Дженни, никак не могу поверить, что это ты.

– Это я, будь уверен. А теперь ступай, Форрест, – говорит она. – В такую погоду хозяин собаку из дома не выгонит, но ты ступай, не глупи.

И я поплелся к машине, мокрый, как пес.

– Ты там с кем-то разговаривал? – спрашивает миссис Каррен.

– Можно и так сказать, – говорю. – С самим собой, наверно.

Ближе к вечеру мы с малышом Форрестом и Дженниной мамой сидели в гостиной и смотрели игру «Новоорлеанских святых» против «Далласских ковбоев» – если это можно назвать игрой. В первой четверти «Ковбой» сделали четыре тачдауна, а наши – ни одного. Еще днем я пытался дозвониться до наших, чтобы объяснить, где нахожусь, но в раздевалке никто не подходил. Наверно, все уже вышли на поле.

После первой четверти положение у нас было аховое, счет стал 42: 0, и комментаторы без конца талдычили, что я не вышел на поле, находясь неизвестно где. Наконец я сумел дозвониться до раздевалки, и трубку неожиданно схватил тренер Харли.

- Гамп, идиот! - разорался он. - Где тебя черти носят?

Я сказал ему, что Дженни умерла, а он кабудто не понимает.

- Какая еще Дженни? - орет.

Не так-то просто было ответить на этот вопрос, и потому я только сказал: одна знакомая. И тут трубку выхватил владелец команды:

- Гамп, я предупреждал: если пропустишь хоть одну игру, я лично выпру тебя под зад коленом. Ты дождался. Проваливай!

- Поймите, - говорю ему, - дело касаеца Дженни. Я только вчера узнал...

- Оставь эту хрень при себе, Гамп! Я вас насквозь вижу - и тебя, и твоего, с позволения сказать, агента, мистера Баттердристера, или как там его. Надумали при помощи дешевой уловки побольше денег срубить. Не выйдет. К моей команде даже близко не смей подходить. Ясно тебе? Никогда!

- Ты им обьеснил? - интересуеца, входя в комнату, миссис Каррен.

- Да, - говорю, - типо того.

Так и завершилась моя футбольная карьера.

Теперь мне прецтояло найти какую-нибудь работу, чтобы содержать малыша Форреста. Почти все присланные мною деньги Дженни положила на банковский счет, и когда туда добавились не востребованные трицать тыщ, с общей суммы начали капать проценты. Но очень скудные, так что я понимал: работу нужно найти как можно скорей.

Наутро я просмотрел объявления в газете. Возможностей было не много. Требовались главным образом секретарши, продавцы поддержанных автомобилей и тогдалее, но я искал для себя нечто... ну... более достойное. И тут мне на глаза попала рубрика «Прочее».

«Специалист по распространению», – говорилось в первой же строке. «Опыт работы не обязателен! Трудолюбивым – солидные надбавки!» Ниже значился адрес какого-то местного мотеля. «Собеседования ежедневно в 10:00». А заканчивалось так: «Необходимое качество: умение работать с людьми».

– Миссис Каррен, – спрашиваю, – а что такое «специалист по распространению»?

– Трудно сказать, Форрест. Думаю... это... фигура, которая в костюме арахиса топчется у лавки, торгующей арахисом, и для рекламы раздает прохожим пакетики орехов. Видел таких? Наверно, что-то вроде этого.

– Убица легче, – говорю.

Если честно, мне прецтавлялась должность рангом повыше. Но обещание «солидных надбавок» звучало заманчиво. И потом: если придется ходить в костюме арахиса, никто меня не узнает.

Но тут, как оказалось, пахло совсем не орехами. А кое-чем посерьезней.

– Знания! – провозгласил инструктор. – Мир держица на знаниях!

На объявление откликнулось нас человек восемь или десять даже. Отыскав этот занюханый мотель, набились мы в каморку, где стояло несколько складных стульев, а прямо на полу – телефонный аппарат. Минут через двадцать дверь вдруг распахнулась и появился сухощавый, рослый, загорелый человек в белом костюме и белых кожаных туфлях. Даже не прецтавившись, он ворвался в каморку и с места в курьер начал читать нам лекцию. Волосы жирные, на зад зализаны, усики крандашные.

– Знания! – гаркнул он повторно. – Вот они, здесь!

Разворачивает он большой плакат, на котором напечатаны разные области знаний. Тут тебе и динозавры, и корабли, и злаки, и крупные мегаполисы. Прецтавлены в том числе и космические пизажи, и ракетные корабли, и телевизоры, и радио приемники, и автомобили – чего только нет.

– Вам дается уникальная возможность! – горланит он дальше. – Доставлять эти знания людям прямо на дом!

– Погодите, – спрашивают его. – Это как-то связано с продажей энциклопедий?

– Разумееца, никак не связано. – Он даже обиделся.

– А мне кажется, что напрямую связано, – упёрствуует все тот же слушатель. – Если это не продажа энциклопедий, то что же, черт возьми?

– Мы энциклопеди не продаем, – отвечает инструктор. – Мы несем энциклопеди в массы.

– Это и есть торговля! – кричит с места слушатель.

– С таким отношением к делу, – говорит инструктор, – вам здесь не место. Сейчас же покиньте помещение, дабы не мешать остальным.

– Да уж, непременно покину, – выходя, говорит тот парень. – Я как-то раз подписался энциклопеди продавать – это сплошное кидалово.

– И тем не менее! – кричит ему в след инструктор. – Вы будете локти кусать, когда все наши кандидаты разбогатеют и прославяца! – И с такой силищей захлопнул за ним дверь, что я даже побоялся, как бы дверная ручка не ударила того парня по заду.

В течении недели мы проходили «курс обучения». От нас требовалось зазубрить слово в слово длинную речь о пользе предлагаемых энциклопедей. Или «сокровищниц всемирной информации», как о них полагалось говорить. Наш инструктор, тот самый, в белом костюме, был также регианальным менеджером по продажам энциклопедей. Звали его мистер Дрессуэлл, но он разрешил нам

обращаца к нему запросто: Дрын.

По словам Дрына, нас готовили вовсе не к продаже энциклопедей. Перед нами ставилась задача доставки энциклопедей на дом потребителю. На деле это выглядело так. Мы выдаем энциклопеди совершенно бесплатно, но только если потребитель подписывает договор на пожизненное приобретение нового ежегодника стоимостью в двести пятьдесят долларов с периодичностью одного раза в год. В таком случае клеенты бесплатно получают комплект энциклопедей, а компания получает около десяти тыщ долларов от продажи ежегодников, печать которых обходица в пять долларов за штуку. С каждого заключенного договора мне причитаеца пятнадцать процентов. Пять процентов от этой суммы перечисляеца Дрыну. И кто при таких условиях рискует оказаца внакладе?

К работе мы приступили с понедельника. Явица нужно было в пиджаке и при галстуке, но перед тем тщательно побрица и вычистить из-под ногтей чернозем. Употреблять спиртное в течении рабочего дня запрещалось. Мы собрались у мотеля, где нас ожидал большой грузовик. Дрын загнал нас в кузов, как домашний скот, и мы поехали.

– А теперь слушайте внимательно, – инкрустировал Дрын. – Каждого из вас высадят в определенном микрорайоне. Настоятельно рекомендую вам ориентироваца на децкие прибабасы: игрушки, качели, песочницы, трехколесные велосипеды и протчую фигню. Наш контингент – молодые родители! Чем дольше они протянут, тем больше ежегодных взносов сделают за ежегодники! Если же перед домом вы не увидите ни децких игрушек, ни самих спиногрызов, – не тратьте по-напрастну время!

Сказано – сделано. Каждого из нас, в том числе и меня, высадили в определенном микрорайоне. Микрорайоны были не очень благополучными, но Дрын сказал, что это и не плохо, потому как в приличных микрорайонах люди, скорей всего, живут слишком умные, чтобы клюнуть на эту удочку. Короче, в первом же доме замечаю децкие качели, причем не одни, подымаюсь на крыльцо, стучусь. Раздвижную дверь открывает какая-то тетка; тут, как нас учили, важно сразу поставить ногу на порог.

– Мэм, – начинаю я, – у вас есть свободная минутка?

- Неужто я похожа на женщину, у которой есть свободная минутка? – спрашивает она.

Сама в ночной сорочке, голова в бигудях, из комнат доносяца детские вопли.

- Хочу побеседовать с вами, – говорю, – о будущем ваших ребятишек.

Это я выучил на зубок.

- А вам какое дело до моих ребятишек? – с некоторым подозрением спрашивает она.

- Им, – отвечаю, – остро необходимы знания.

- Да кто вы такой – уж не из этих ли религиозных маньяков?

- Нет, мэм, я здесь для того, чтобы сделать вашей семье бесплатный подарок: комплект лучших в мире энциклопедий.

- Комплект энциклопедий! Ха, – говорит она. – Неужто я похожа на женщину, которая скупает энциклопедии?

Я уже понимаю, к чему она клонит, но все равно дикламирую свой текст:

- Мэм, как я уже сказал, никто не предлагает вам энциклопеди покупать. Я собираюсь просто-напросто обеспечить ими вашу семью.

- То есть как – на время, что ли?

- Не совсем, – отвечаю. – Если вы разрешите мне на минутку зайти...

Она меня впустила и провела в гостиную. Дрын учил: на этой стадии уже можно чувствовать себя почти как дома! Открываю свой чемоданчик и начинаю объяснять, что к чему, в точности как наставлял Дрын. Говорить нужно пятнадцать минут, чтобы клеенты только смотрели и слушали. Вдруг в комнату прибежали трое мелких, примерно в возрасте малыша Форреста, и начали

карабкаца на мамашу. Я отбарабанил положенные слова, а она – в слезы.

– Ох, – причитает, – мистер Гамп, – как бы я хотела приобрести ваши энциклопедии. Но не могу.

И начинает мне рассказывать свою грусную историю. Муж, не оставив ей ни цента, удрал с молоденькой. Из забегаловки, где она работала поварихой, ее турнули, потому как от усталости она задремала, сожгла омлет и загубила противень. Ей обрубали электричество и грозились вот-вот отключить телефон. А ей срочно требуется операция, но платить нечем, дети не доедают. Приходил домовладелец, требовал пятьдесят долларов за жилье, а у нее нету, стало быть, их скоро вышвырнут на улицу. Она еще много чего поведала, но суть вам ясна.

Короче, дал я ей займы пятьдесят баксов – и ноги унес. Жалкая у нее доля.

Весь день я оббивал пороги. В большинстве случаев меня даже не впускали в дом. В половине случаев – и этих людей было жальче всех – сообщали, что их уже обслужили другие распространители энциклопедий. Раза четыре или пять даже дверь захлопнули прямо перед носом, а в одном доме науськали на меня злобную псину. К вечеру, когда за нами приехал Дрынов грузовик, я совсем измучился и пал духом.

– Ничего страшного, не парьтесь из-за первого дня, – говорит Дрын. – Первый день всегда самый трудный. Прикиньте: кто подпишет один-единственный договор, тот обогатица на тыщу долларов. И это – только за одну успешную сделку, но я вам гарантирую: лохов тут полно. – И поворачивается ко мне. – Гамп, – продолжает он, – я к тебе пригляделся. Энергии у тебя хоть отбавляй! Обояние так и прет. Нужна только практика под руководством наставника! И наставником твоим буду я. Завтра с утра пойдешь со мной!

В тот вечер, придя домой к миссис Каррен, мне даже ужин в горло не полез. Явился, нечего сказать, «специалист по распространению»: полсотни баксов профукал, ноги стоптал, а обзавелся только дырой в штанах, где меня злобная псина цапнула.

Малыш Форрест, игравший на полу в гостиной, спрашивает, где я был.

– Энциклопеди продавал, – отвечаю.

– А какие?

Я показал. Все как полагаеца. Толкнул речь, открыл папку с картинками, разложил образцы энциклопедий и ежегодников. А когда умолк, он заглянул в первый попавший том и говорит:

– Сплошная фигня.

– Это еще что? – возмутился я. – У кого ты набрался таких словей?

– Мама иногда так говорила, – отвечает он.

– Ну, знаешь ли, семилетнему мальчику не пристало, – говорю, – так выражаца. И вообще, почему это ты о моих книгах так отзываешься?

– Да потому, – отвечает, – что это правда. Сам посмотри, тут ошибка на ошибке. – И тычет пальчиком в раскрытый том, где напечатано: «Бьюик, модель 1956 года». – А на самом деле, – говорит, – пядесят пятого. У модели пядесят шестого года таких ребер не было. И еще вот сюда погляди. Это истребитель «эф восемьдесят пять», а вовсе не «эф сто»!

Малыш Форрест на этом не остановился и указал еще кучу сведений – по его словам, ошибочных.

– Каждый дурак поймет, что здесь все переврали, – говорит он.

Ну, допустим, не каждый, возрожаю я про себя. Дело он говорил или нет, судить не берусь, но решил я с утра пораньше учинить допрос Дрыну.

– Самое главное, – поучает меня Дрын, – застукать хозяйку в нужный момент. Когда муженек усвистал на работу, а детей отвозить в школу еще рано. Если увидишь во дворе игрушки всякой мелюзги, не задерживайся – вернешься туда попозже.

Мы спрыгнули с грузовика в своем микрорайоне, и Дрын на ходу посвящал меня в тонкости профессии.

– Другой удобный момент, – говорит он, – это когда мыльные оперы уже закончились, а за детьми ехать рано, да и муженек еще с работы не вернулся.

– Послушайте, – начал я, – хотелось бы кое-что уточнить. Мне сказали, что в энциклопеди масса ошибочных сведений.

– И кто ж тебе такое сказал?

– Об этом я умолчу. Но вопрос остаеця: это так?

– А черт его знает, – говорит Дрын. – Буду я еще эту херню читать. Мое дело – ее клеентам впаривать.

– Но некоторые как раз будут читать, правда? Нечесно как-то вытягивать у них деньги за ложные сведенья.

– Тебе-то что? – отвечает Дрын. – Больно они понимают разницу. А кроме того, не думаешь ли ты, что кто-нибудь решит воспользоваца этой фигней? Ее поставят на полку и, скорей всего, никогда в жизни не откроют.

Короче, Дрын очень скоро заприметил дом, где вознамерился подписать договор. Стены облупленные, зато с дерева свисает старая автомобильная покрышка, а на крыльце стоят не большие, но все же двухколесные велики.

– Вот оно, – говорит Дрын. – Нутром чую. Двое детей младшего школьного возраста. Ручаюсь: мамаша уже готовит чековую книжку.

Постучавшись в дверь, на пороге вскоре возникла дамочка, на вид усталая, с какой-то печалью в глазах. Дрын с ходу взял верный тон. И не умолкал, тем самым как бы прокладывая себе дорогу в дом. Хозяйка оглянуща не успела, как мы уже сидели у нее в гостиной.

– Но мне не нужны дополнительные энциклопеди, – сказала она, – у меня уже есть. Взгляните: я подписалась и на «Британнику», и на «Американу». Нам еще

десять лет за них платить.

– Вот именно! – воскликнул Дрын. – И все это время они будут стоять у вас без дела! Видите ли, ваши энциклопеди – для ребят постарше: для выпускников средней школы, для студентов. А вам необходимо кое-что на текущий момент, пока дети еще не выросли: кое-что, способное пробудить в них жажду знаний. Как раз это мы и предлагаем!

Дрын подсовывает этой дамочке свои обрасцы, указывает, скока там картинок да каким доступным языком изложено, чтоб понятней было, не то что в старых энциклопедях, которые хозяйка уже преобрела. Отбарабанив положенное, Дрын уболтал ее подать нам лимонаду, а когда мы уходили, у него в руке был оформленный по всем правилам договор.

– Учись, Гамп! Это же проще простого. Гляди: за двадцать минут работы я тыщу баксов поднял: а делов-то – как два пальца...

По сути, он был прав. Вот только что-то во мне взбунтовалось. Ну, на кой этой простой женщине энциклопеди? А Дрын свое гнет: побольше бы нам таких клеентов.

– Им, – говорит, – хоть какую лапшу на уши вешай – они поведутца. А многие, кому словом перекинуца не с кем, еще и спасибо скажут.

Короче, понукает он меня дальше самостоятельно энциклопеди впаривать и чтоб к концу дня пару комплектов непременно втюхать: зря, что ли, он меня умуразному обучал.

Ну, двинулся я по району. К вечеру обошел домов двадцать пять, так меня ни разу даже на порог не пустили. Раза четыре, если не пять, дверь вообще не открывали: переговаривались со мной через пролезь почтового ящика и гнали проч. Она тетка ссорную траву вдоль дорожки тяпкой выпальывала, а как узнала о цели моего везита – на меня с тяпкой кинулась.

По пути к парковке микро-автобусов заметил я улицу, которая отличалась от тех, что я обошел. Приятная улочка, вся в зелени, дома реально красивые, тачки дорогие стоят. А в конце, на прегорке, самый большой дом – даже, можно сказать, дворец. Ну, я и подумал: была не была. Дрын, конечно, нам втирал, что

в такие домищи заходить – дохлое дело, хозяев энциклопедиями не удивишь, но нужно ведь с чего-то начинать. Подхожу, звоню. Кстате, за весь день первый раз дверной звонок увидал. За дверями глухо, я уж подумал, что дома никого нету. Позвонил еще пару раз и уже собрался уходить не солода хлебавши, как вдруг дверь приотворилась. На пороге стоит хозяйка, сама в красном шелковом халате, в руке муньштук. Постарше меня, но все равно красавица, волосы каштановые, длинными кудрями вьюца, косметики тонна. Оглядела меня два-три раза с ног до головы – и прямо расцвела в улыбке. Я и сказать-то ничего не успел, а она дверь распахнула и приглашает меня в дом.

Звали ее миссис Хоупвелл, но она велела говорить ей Элис.

Миссис Хоупвелл – Элис – провела меня в огромную залу с высоченными потолками и причудливой мебелью и предлагает чего-нибудь выпить. Я кивнул, а она:

– Что предпочитаешь: бурбон, джин, скотч?

Но я не забыл, как Дрын нас инкрустировал насчет выпивки на работе, и говорю: мне бы коки-колы. Возвращаеца она с кокой-колой, и я завожу свою песню. Примерно до середины отбубнил, а миссис Хоупвелл и говорит:

– Спасибо, Форрест. Достаточно. Я возьму.

– Что возьмете? – переспрашиваю, не веря своему щастью.

– Энциклопедии твои, – отвечает. – Возьму один комплект.

Она спросила, на какую суму выписать чек, и я обьеснил, что на самом-то деле она их не покупает, а всего лишь оформляет подписку на покупку ежегодного ежегодника, которой хватит до конца ее дней, но она только отмахнулась.

– Показывай, – говорит, – где подписать договор.

И я показал.

Между делом хлебнул я коки-колы. Бр-р-р! Помоги какие-то! Сперва я даже подумал, что она мне чего-то другого плестнула, но нет, жестянка на серверовочном столике осталась.

– А теперь, Форрест, я переоденусь во что-нибудь полегче, – сообщает мне миссис Хоупвелл.

Я про себя думаю: куда уж легче, но это, разумеется, не мое дело.

– Да, мэм, – говорю.

– Зови меня Элис, – настаивает она и, махнув подолом, исчезает.

Сижу я один, смотрю на эту бурду, и мне все больше пить охота. Жалею, что не попросил другую коку-колу, хотя бы «роял краун», что ли. Короче, прикинул я, что хозяйки еще пару минут не будет, и рванул туда, где, по моим расщетам, кухня была. В жизни не видал такой кухни! Прикиньте: больше, чем весь дом, в котором Дженни выросла, повсюду кафель, натуральное дерево, нержавейка, да еще огни с потолка светят! Залез я в холодильник, чтоб поискать другую коку-колу – может, думаю, та протухла. К моему удивлению, вижу банок пядесят, откупыриваю одну и делаю здоровенный глоток. Фу-у-у! Пришлось выплюнуть. На вкус – конкретное говно!

Ну, не конкретное, допустим – кто его знает, каково оно на вкус. А это пойло – примерно как скипидар со свиным жиром, да еще с сахарком, и разбавленный шипучкой. Да, думаю, кто-то над хозяйкой прикололся.

И тут как раз входит миссис Хоупвелл.

– А, Форрест, вижу, ты сам сориентировался. Я ведь не знала, что тебя мучит жажда, бедный мальчик. Ну-ка, давай перельем в стакан.

Пришла она в розовой ночнушке, которая выставляла на показ все, что при ней, а это не мало, и в пушистых розовых шлепанцах – ну, думаю, на боковую собираеця.

Но я теперь на чеку. Достает она стакан, который от чистоты весь радугой искрица, бросает туда лед, а сверху наливает коку-колу. Я слышу, как лед в стакане потрескивает, а сам думаю: как же это пить, и тут миссис Хоупвелл говорит, что на минутку меня покинет – хочет «освежица». Только я собрался опять это пойло в раковину выплестнуть, как пришла мне на ум одна идея. Как эту жижу не много улутшить. Вспомнил я свою студенческую пору: однажды мне до того захотелось домашнего лимонаду, что я прямо вкус его во рту чувствовал, но лаймов купить не удалось, а мама как раз прислала мне банку нектарин, так я за место этого приготовил нектаринад, отжав нектарины через свой носок. Эта кока-кола – дрянь порядошная, но решил я хоть как-то ее использовать, поскольку язык у меня стал сухой, кабудто подошва – так не долго и помереть от обезвоженья. Мог бы, кстате, просто воды себе налить, но зацыклился почему-то на этой коке-коле.

В кухне была просторная кладовушка, а там – сотни разных склянок и бутылочек всех размеров и видов. На одной этикетка «кумин», на другой – «табаско», на третьей – «уксус с острогоном». Банки какие-то стоят, плакончики. Приметил я олифковое масло – думаю, хоть не много вкус сала перебьет, потом шоколадный соус взял, чтоб не так скипидаром отдавало. На столешнице тазик стоял: вылил я в него ингридеентов двадцать-трицать, перемешал пальцем, а потом прегоршню зачерпнул и добавил себе в стакан. Пойло аж вспенилось, зашипело, вот-вот взорвеца, но чем дольше я его перемешивал со льдом, тем красивей получалось, а через пару минут уже выглядело как обыкновенная кока-кола.

А я совсем загибаюсь, словно золота искатель в пустыне, который на сонце поджарился, ну, взял я стакан да и осушил залпом. На этот раз хорошо пошло: пусть не кока-кола, но и не говно все ж таки. Вполне преемлимо, я сразу второй стакан себе наболтал.

Тут возвращаеца в кухню миссис Хоупвелл.

– Ну, Форрест, – говорит, – как тебе эта кока-кола?

– Вполне, – отвечаю ей. – Я, кстате, щас добавку буду. Хотите?

– Нет-нет, спасибо, Форрест, избавь.

– Почему? – спрашиваю. – Вам разве пить не хочеца?

- Не в том дело, - говорит она. - Просто я предпочитаю другие напитки.

Отошла, плестнула себе полстакана джина и до верху апельсинового сока долила.

- Меня, - говорит, - всегда поражает, как люди пьют эту отраву. К слову сказать, изобрел ее мой муж. Ей хотели дать название «Нью-кока».

- Правда? - удивился я. - По вкусу-то совсем на прежнюю не похожа.

- Ой, не говори, парень! Я в жизни такой дряни не пробовала. Смахивает на... черт, даже не знаю... на скипидар, что ли.

- Во-во, - говорю. - Точно.

- Дурацкая идея этого названия исходила от боссов компании «Кока-кола», заседающих в Атланте. «Нью-кока», фу-ты ну-ты. Выдумывают неизвестно что, лишь бы продать. А мое мнение - эта затея провалится с треском.

- Неужели? - спрашиваю.

- Вот увидишь. Между прочим, ты первый, кто выдул целый стакан и не поперхнулся. Представляешь, мой муж - вице-президент компании «Кока-кола», он отвечает за исследования и разработки. А мое мнение - каковы исследования, таковы и разработки!

- Вообще-то, - сообщаю я, - если чего-нибудь туда добавить, получается терпимо. Если довести слегка до ума.

- Да? Ну, это не моя проблема. Слушай-ка, - говорит, - ты не для того в дом приглашен, чтобы обсуждать бредовые планы моего мужа. Я ведь купила у тебя эти чертовы справочники или как их, так что теперь услуга за услугу. На сегодня у меня был назначен сеанс массажа, а массажист не явился. Ты сможешь размять мне спину?

- Что-что?

– Размять спину: я лягу, а ты сделаешь мне массаж спины. Ты такой знаток умных книжек, что уж наверняка вычитал, как спину разминают, правильно я понимаю? Думаю, с этим каждый дурак справится.

– Да, но...

– Слушай, парень, – перебила она, – забирай эту отраву и ступай за мной.

Привела меня в какую-то комнату: все стены в зеркалах, а по центру здоровенная койка возвышаеца. В потолок динамики вделаны, оттуда музыка струица, а у койки стоит большой китайский гонг.

Залезла миссис Хоупвелл на кровать, сбросила шлепанцы, а потом и ночнушку, обмоталась ниже талии полотенцем и легла на живот. Я стараюсь на нее не смотреть, но это затруднительно, поскольку кругом зеркала.

– Ну, – говорит, – приступай.

Встал я как бы с боку и начал разминать ей плечи. Она такая: «Ох, ах». И чем дальше, тем громче.

– Ниже! – командует миссис Хоупвелл.

Растираю ниже, а куда уж ниже-то! Мне, конечно, не ловко. К самой кромке полотенца приблизился. Хозяйка прямо задыхаеца – и вдруг руку протянула да как саданет по китайскому гонгу! Аж зеркала задрожали, того и гляди отвалеца.

А она стонает:

– Возьми меня, Форрест.

– Взять с собой? Куда бы вам хотелось пойти? – уточняю.

– Просто возьми! – Уже на крик перешла. – Немедленно!

Тут мне на ум пришла Дженни и уйма всякого другого, но миссис Хоупвелл уже в меня вцепилась, на койке извиваеца, дышит тяжело, и вся эта херь уже выходит из-под контроля, но вдруг, без стука даже, дверь в зеркальную комнату распахнулась и на пороге поевился какой-то шибздик: на нем костюм, галстук и очки в тонкой металлической оправе – ни дать ни взять нацистский преступник.

– Элис, – кричит, – кажется, я все понял! Если в рецептуру включить стальную стружку, привкус скипидара уйдет!

– Господи, Альфред! – вопит миссис Хоупвелл. – Почему ты в такое время дома? – Села в койке и пытаеца для приличия полотенце натянуть повыше.

– Это решение, – сообщает шибздик, – утверждено в моем отделе!

– Решение! Какое решение? – интересуеца миссис Хоупвелл.

– По «Нью-коке», – объясняет он и заходит в комнату, кабудто меня там нету. – Думаю, мы нашли способ заставить потребителей ее пить.

– Ой, я тебя умоляю, Альфред. Как ты их заставишь пить такую гадость? – У миссис Хоупвелл сделался плаксивый вид. А на ней только и есть, что полотенце: она хочет им прикрыть и верх, и низ. Получаеца у ней неважнецки, тогда она хватъ с пола ночнушку – и полотенце вообще сронила. Я глаза отвожу, но во всех зеркалах видок один и тот же.

И в этот миг Альфред – вроде бы так его звали – замечает меня.

– Вы, – спрашивает, – массажист?

– Типо, – говорю.

– Это ваша кока-кола?

– Ага.

– И вы ее пьете?

- Угу.

- Без дураков?

Я кивнул. Как отвечать - не понятно, поскольку это его новое изобретенье.

- И вкус, по-вашему, не отвратителен? - А у самого глаза как шары.

- Сейчас уже нет, - говорю. - Я ее довел до ума.

- Довел до ума? Это как?

- Плестнул в нее, что под рукой было.

- Дай-ка сюда, - потребовал он.

Забрал у меня стакан, к свету поднял, изучает, как лабораторный сосуд с не апетитным анализом. Потом пригубил, сощурился.глянул на меня, на миссис Хоупвелл - и глотнул от души.

- Видит бог, - говорит, - это дерьмо заметно улучшилось!

Отхлебнул еще, изумился, кабудто ему что-то привиделось.

- И правда, довел до ума! - кричит. - Как, черт тебя раздери, ты это довел до ума?

- Плестнул туда, - объясняю, - что в кладовушке было.

- Ты? Массажист?

- Он не совсем массажист, - встревает миссис Хоупвелл.

- Не совсем? Тогда кто же он?

- Я, - говорю, - занимаюсь энциклопедиями.

- Энциклопедиями, говоришь? - переспрашивает Альфред. - А чем ты в этой комнате занимаешься? С моей женой?

- Долгая, - говорю, - история.

- Ладно, - сказал он. - Об этом потом. А сейчас я желаю выяснить, что ты сотворил с этой кока-колой?! Рассказывай! Ну же, признавайся!

- Сам толком не знаю, - говорю ему. - По началу-то вкус был так себе, и я подумал: надо бы, типо, слегка подделать, понимаете?

- «Вкус был так себе»! Что ты мелешь, придурок? Вкус был - говно! А теперь - вполне сносный! Ты хоть представляешь, какие это деньги? Миллионы! Миллиарды! Ну-ка, вспоминай. Что ты туда... А звать-то тебя как?

- Гамп, - отвечаю. - Форрест Гамп.

- Так вот, Гамп... припомни шаг за шагом, что именно ты туда намешал.

Ну, я рассказал, хотя припомнил, разумеется, не все. Вытащил из кладовой какие-то пузырьки-плакончики, хотел повторить от начала до конца, но так, как раньше, хоть убей, не выходило. Уж мы по всякому пробовали, раз заразом, время уже за полночь перевалило, а этот Альфред все плюет и плюет жижу в мойку, приговаривая, что это близко не стояло к первому образцу. А миссис Хоупвелл тем временем знай себе потягивает джин с апельсиновым соком - стакан двадцатый уже. И на конец не выдержала.

- Вот дурачье, - говорит. - Как ни бейся, из дерьма пулю не сделаешь. Давайте-ка лучше втроем ляжем в постель и посмотрим, что из этого выйдет.

- Умолкни, Элис, - отрезал Альфред. - Тебе не понять: такая возможность подворачивается раз в жизни!

- Возможность, которая подворачивается раз в жизни, - это то, что предложила я, - сказала миссис Хоупвелл, вернулась в зеркальную комнату и принялась бить

В ГОНГ.

В конце концов Альфред прислонился к холодильнику и обхватил голову руками.

- Гамп, - говорит, - это уму непостижимо. Ты вырвал меня из лап неминуемого краха - и вернул туда же. Но я не сдамся. Сейчас я вызову полицию и прикажу опечатать кухню. А завтра сюда придут в полном составе мои подчиненные, изымут все продукты, какие ты только мог вбухать в эту жижу, и переправят их в Атланту.

- В Атланту? - удевился я.

- Да, клянусь твоей пухлой задницей, Гамп. А самым ценным продуктом будешь ты!

- Кто, я?

- Именно ты, Гамп. Твой необъятный зад будет маячить у нас в лаборатории до победного конца. Вообрази, Гамп. Сегодня - Атланта! Завтра - весь мир!

Когда я уходил за вещами, из окна улыбалось лицо миссис Хоупвелл, а мне почему-то думалось, что перетурбации мои на этом не закончатся.

Глава 3

Короче, вечером опять пришел я к миссис Каррен и от нее позвонил в мотель Дрыну - сказать, что отказываюсь снабжать население энциклопедиями.

- Ну-ну, хорошо же ты оплатил мне за мою доброту, Гамп! - возмущаеца он. - Нож в спину! Как я сразу тебя не раскусил?

А под конец вообще смешал меня с дерьмом и бросил трубку.

Ладно, по крайней мере в этом деле поставлена точка.

Когда я освободился, малыш Форрест уже видел тридесятый сон, а миссис Каррен и спрашивает: что, мол, происходит? Я рассказал, что энциклопедиями занимаю больше не буду, а поеду в Атланту, подсобрать Альфреду с производством «Нью-коки» – отказываю нельзя, поскольку это принесет немалые средства и позволит обеспечить Форреста-младшего. Она не возражала, только попросила меня на прощанье поговорить с малышом Форрестом и объяснить, кем я ему прихожусь после кончины родителей. Я спрашиваю: может, у вас лучше получится объяснить, но она ни в какую:

– Я считаю, Форрест, в жизни каждого человека настает момент, когда приходится брать ответственность на себя, и сейчас для тебя настал такой момент. Вероятно, тебе будет нелегко, но через это надо пройти. Своим рассказом ты должен произвести на ребенка неизгладимое впечатление.

Понятно, что миссис Каррен была права, но я даже не знал, с какого боку к этому поцтупица.

На утро я встал пораньше, миссис Каррен сварила кашу и помогла мне собраться в дорогу. Альфред обещал заехать за мной ровно в девять, так что разговор с малышом Форрестом обкладываться было нельзя. Когда он позавтракал, я вызвал его на крыльцо.

– Мне, – говорю, – придется на какое-то время уехать, но прежде ты должен кое-что узнать.

– Что узнать? – спрашивает он.

– Ну, во-первых, неизвестно, долго ли я пробуду в отъезде, но ты слушайся миссис Каррен.

– Она же моя бабушка. Я всегда ее слушаюсь, – говорит малыш Форрест.

– Учись на отлично, веди себя как следует, договорились?

Он нахмурился и странно как-то на меня смотрит.

– Слушай, ты мне даже не папа. С чего это ты решил меня воспитывать?

– Вот-вот, – говорю ему, – об этом я и хотел с тобой потолковать. Понимаешь, на самом деле я как раз и есть твой папа.

– Неправда! – вскричал он. – Мой папа заболел и лежит дома. А как выздоровеет— сразу приедет и меня заберет.

– Я тебе должен еще кое-что сказать, – говорю. – Твой папа не выздоровеет, Форрест. Он теперь там же, где твоя мама, понимаешь?

– Неправда! – упёрствуем Форрест. – Бабушка говорит, он за мной приедет! Уже скоро.

– Значит, бабушка ошибаеца, – расстолковываю ему. – Пойми: он заболел вместе с мамой и не выздоровел, так что теперь я за тебя в ответе.

– Ты?... Еще чего! За мной папа приедет!

– Форрест, – говорю, – выслушай меня. Не хотел тебе говорить, но пришлось. Поверь: я – твой родной отец. Твоя мама давно мне в этом призналась. Но вы жили одной семьей, а я считался как бы... старым знакомым, что ли, поскольку тебе с ними было лутше. Но теперь, понимаешь, их больше нет, и забота о тебе ложица на мои плечи.

– Все ты врешь! – выкрикнул он и стал меня кулачками мутузить, а потом расплакался.

Этого следовало ожидать, но я впервые видел его слезы и подумал, что так ему будет легче, хотя не знаю, много ли до него дошло. А я готов был повесица.

– Форрест правду говорит, милый.

Все это время миссис Каррен стояла в дверях. Теперь она вышла на крыльцо, взяла внучонка на руки и усадила к себе на колени.

– Мне тяжело было об этом заговорить, – сказала она. – Пришлось попросить Форреста. Я сама так и не решилась.

– Неправда! Неправда! – кричит он, брыкаясь и плача. – Вранье! Вы оба врете!

В это время тормозит у дома длинный лимузин, из окна выглядывает Альфред и делает мне знак поторопица. А с заднего сиденья ухмыляеца миссис Хоупвелл.

Взял я сумку, иду к машине и слышу, как у меня за спиной захлебываеца Форрест-младший: «Вранье, вранье, вранье!» Если это имела ввиду миссис Каррен, когда говорила, что правда произведет на Форреста «неизгладимое впечатление», надеюсь, она ошибалась.

Короче, поехали мы в Атланту, и миссис Хоупвелл всю дорогу бедро мне поглаживала, то-сё, а этот Альфред над какими-то бумашками корпел да сам с собой разговаривал.

У главного здания компании «Кока-кола» нас встречала целая толпа; выхожу из машины – все мне руку жмут, по спине хлопают. Провели меня длинным коридором до двери с вывеской «Опытная научно-исследовательская лаборатория. Сверхсекретный объект. Вход воспрещен». Но мы вошли, и я чуть в обморок не грохнулся! Там была оборудована кухня, как у миссис Хоупвелл, один в один, включая даже полупустые стаканы, из которых я пил коку-колу.

– Здесь, Гамп, все воспроизведено точь-в-точь как было в Мобайле, – говорит Альфред. – Нам нужно, чтобы ты совершил те же действия, при помощи которых улучшил для себя кока-колу. Вспоминай каждый шаг, думай головой – от этого может зависеть судьба всей компании!

По-моему, на мои плечи взвалили не справедливо тяжкий груз. В конце-то концов, что я такого совершил? Просто попытался удалить жажду каким-нибудь приемлимым напитком. Короче, облочили меня в широкий белый халат, на подобие доктора Килдэра, и эксперимент начался. Сперва я взял жестянку «Нью-коки» и вылил в стакан с кубиками льда. Пригубил, как тогда у миссис Хоупвелл: на вкус – говно.

Зашел я в кладовушку, там все банки-склянки на своих местах. По правде сказать, у меня даже ни одной мысли не возникло, чем же я тогда смог на столько улутшить коку-колу. И все же взялся за дело: начал смешивать что-то с чем-то. Возле меня не отступно копытца четверо или пятеро даже: берут на крандаш каждое мое действие. Для начала взял я щепоть гвоздики, сыпанул

малость винного камня. Капнул мускатного масла, размягчителя мяса, сырной приправы для попкорна, добавил черной патоки и специй для моря продуктов. Затем откупырил мясные консервы с перцем Чили, отцедил не много оранжевого жирку, что сверху плавает, – и туда же. Для верности положил немного пекарской соды. В конце концов перемешал все ингредиенты пальцем, как в доме у миссис Хоупвелл, и набрал полный рот. Все затаили дыхание, глаза вылупили. А я поболтал эту смесь во рту и выдал единственное, что напрашивалось:

– Ффф-у-у-у!

– В чем дело? – заволновался один из наблюдателей.

– Разве не ясно? – спрашивает другой. – Ему не понравилось.

– Ну-ка, дай попробовать, – говорит Альфред.

Попробовал – и выплюнул прямо на пол.

– Господи, что за отравка, еще хуже прежней!

– Мистер Хоупвелл, – заметил второй наблюдатель, – вы сплевываете на пол. А Форрест сплевывает в раковину.

Дескать, эксперимент выходит из-под контроля.

– Вы правы, – говорит Альфред, опускается на карачки и подтирает «Нью-коку» собственным носовым платком. – Однако, на мой взгляд, не столь важно, кто куда плюнул. Главное – без промедления вернуца к работе, Гамп.

Так мы и сделали. Трудились весь день и пол ночи. В какой-то момент я совсем запутался и вместо чесночного порошка, способного, на мой взгляд, слегка нейтрализовать скипидар, нечаянно бухнул в коку-колу половину солонки. Выпил – и в голове помутилось, как, по рассказам, бывает у людей в спасательной шлюбке от питья морской воды. В конце концов Альфред скомандовал:

– Ладно, на сегодня хватит. Но завтра начнем с самого утра. Правильно, Гамп?

– Наверно, – отвечаю в слух, а про себя понимаю:дохлый номер.

Весь следующий день, и следующие недели, и следующие месяцы я эксцерементировал с этой «Нью-кокой». И все в пустую. Добавлял и каенский перец, и шафран испанский, и ванильную иссенцию. В дело пошел кумин, пищевой краситель, перец горошком и даже столбилизатор.

Наблюдатели не отходят от меня не на шаг, каждый всем другим на нервы действует, у них блокнотов исписано уже, наверно, штук пятцот. Ночевать я ухожу в номер люкс, мы все в одной здоровенной гостинице прожеваем, и миссис Хоупвелл, разумеца, тут как тут: разгуливает, можно сказать, в чем мать родила. Пару раз просила сделать ей массаж спины, ну, я не отказывал, но, когда она стала требовать массаж грудной клетки, пришлось заевить, что моему пределу тоже есть конец.

Стало мне казаца, что вся эта история – сплошной блев. Тут тебе и харчи, и жилье, а зарплаты нет как нет, но ведь я только из-за денег на это подписался – ради малыша Форреста. Однажды ночью лежу без сна, думаю, как дальше быть, вспоминаю Дженни и все хорошее, и вдруг прямо передо мной возникает ее лицо, как тогда, на кладбище.

– Ну что, дурила? – говорит она. – Не можешь для себя решить?

– Ты о чем? – спрашиваю.

– Тебе никогда в жизни не восстановить тот вкус. Уж не знаю, что ты сотворил в первый раз, но это был слепой случай, вот и все.

– И что мне теперь делать? – спрашиваю.

– Бросай все! Уноси ноги! Найди нормальную работу, а то так и будешь до конца своих дней эту дрызготню разводить!

– Как же так? – говорю. – Ведь эти люди на меня расщитывают. Твердят, что я – их единственная надежда на спасение компании «Кока-кола».

- Пошли их подальше, Форрест. Им на тебя плевать. Они заняли теплые местечки, а тебя за идиота держат.

- Да, - говорю, - пожалуй, ты права. Как всегда.

И тут она исчезла, а я снова один остался.

На утро, с позаранку, за мной зашел Альфред. В экспериментальной кухне я опять принялся доводить до ума коку-колу. Пол дня смешивал всякие гадости, но теперь после каждой дикустации уже не фыркал и не плевался, а с улыбочкой тянул: «О-о-о-о!» - и отпевал еще глоток.

- Что такое? - задержался один из наблюдателей. - Ему понравилось?

- Думаеца мне, - говорю, - я справился.

- Господь услышал мои молитвы! - завопил Альфред, хлопая себя по лбу.

- Позвольте-ка, - говорит другой наблюдатель.

Набирает жижу в рот, перекачивает, типо, на языке. И потом объевляет:

- А что, недурственно!

- Дайте попробовать, - требует Альфред.

Глотнул, в лице изменился, кабудто заколдованный, и говорит:

- Аххх! Изумительно!

- И мне чуть-чуть налейте, - просит третий наблюдатель.

- Нет уж, дутки! - отрезал Альфред. - Что осталось, пойдет на химический анализ. Этим опивкам цена - миллиарды! Все меня услышали? Миллиарды!

Выскочил он за дверь и, призвав двоих вооруженных охранников, приказал им убрать стакан с кокой-колой в сейф и беречь как синицу ока.

- Гамп, ты это сделал! - вопит Альфред, бьет себя по колену кулаком и бугровеет, как свекла.

Наблюдатели прыгают, взявшись за руки, и тоже вопят. Вскоре дверь в эксскерементальную кухню распахнулась и на пороге возник рослый седовластный человек, холеный такой, в темно-синем костюме.

- Что, - интересуется он, - здесь происходит?

- Сэр, мы сотворили чудо! - кричит Альфред. - Гамп, это председатель совета директоров, глава компании «Кока-кола». Иди сюда, пожми ему руку.

- В чем же состоит ваше чудо? - спрашивает этот седовластный.

- Гамп - вот он, полюбуйте, - добился, чтобы у «Нью-коки» был сносный вкус! - отвечает Альфред.

- Неужели? - удивляеца начальник. - И как же тебе это удалось?

- Не знаю, - говорю. - Наверно, просто свезло.

Вобщем, через пару дней компания «Кока-кола» организовала у себя в шкап-квартире, в Атланте, грандиозную дикустацию на пять тыщ человек, куда вошли креспонденты, политики, высоко поставленная тусовка, акционеры и протчая элита, плюс пятцот учеников из окресных школ. Снаружи небо разрезали, кабудто ножницами, огромные прожекторы, а кому нехватило приглашений, толпились за канатами и махали щасливчикам, кому хватило. Приглашенные, почти все в смоукингах и в длинных платьях, прохаживались по залу и вели свецкие беседы, как вдруг на сцене поднялся занавесь - и там стоим мы с Альфредом, миссис Хоупвелл и президент «Коки-колы».

- Леди и джентльмены, - начал президент, - мне выпала честь сделать важное объевление.

Все, прикусив языки, уставились на нас. А он продолжает: так, мол, и так, компания «Кока-Кола» с гордостью представляет новый продукт, способный предать второе дыхание нашему производству, которому более семьдесят лет, и за эти годы мы ни разу не меняли базовую рецептуру, поскольку «кока-кола» всем была по вкусу. Однако нынче, в восьмидесятые годы двадцатого века, положение стало иным. Рано или поздно всюду происходят перемены. «Дженерал моторс» меняет каждые три-четыре года. Политическое руководство страны – тоже. Люди меняют одежду раз или два раза в год...

На этой последней фразе по залу прокатился тихий ропот.

– Я хочу сказать, – подправился президент, – что дизайнеры с завидной регулярностью создают новые товары, и посмотрите, какие это дает прибыли!

Он выдержал паузу, чтобы его слова улеглись в умах, и продолжил:

– Вот и наша компания приняла решение отойти от многолетней традиции в пользу современных тенденций. Наш обновленный продукт получил название «Нью-кока», и мы хотим выразить признательность молодому исследователю Форресту Гампу, изобретателю этого поразительного напитка! Сейчас наш обслуживающий персонал расставит на столах стеклянные бутылки и жестяные банки – не отказывайте себе в удовольствии попробовать эту новинку, но перед этим я должен предоставить слово изобретателю. Леди и джентльмены, встречайте: Форрест Гамп!

Подводит он меня к микрофону, а я даром речи лишился от ужаса, стою и думаю: мне бы по маленькому, только в слух я нипочем этого больше не скажу. Нет-нет. И за место этого выговорил:

– Надеюсь, вкус не плох. – И попятился от микрофона.

– Замечательно! – воскликнул президент, когда смолкли оплодисменты, и предложил начать дикустацию.

Стало слышно, как по всему залу откупируют бутылки и жестянки, а потом участники этого мероприятия начали пробовать «Нью-коку». Отовсюду понеслось «о-о-о», «аххх», гости переглядывались и кивали. Но, ни с того ни с

сего, один малец из приглашенных как выкрикнет: «Ф-у-у-у! Гадость какая!» – и выплюнул все, что в рот набрал. Другие школьники последовали его примеру; я глазом моргнуть не успел, как, щитай, все гости стали давица и выплевывать «Нью-коку» на пол. А некоторые выплевывали прямо на тех, кто рядом стоял, и от этого в зале разгорелась не шуточная подтасовка. Очень скоро приглашенные стали кидаца жестянками и бутылками, вход так же пошли кулаки, ботинки и открывашки, столы переворачивались вверх кармашками. Некоторые дамочки, кому платья порвали, с воплями убежали в темноту. Фотокамеры слепят вспышками, телевизионщики стараюца все заснять. Мы с президентом, Альфредом и миссис Хоупвелл, стоя на сцене и лишившись даром речи, знай уворачиваемся от бутылок и жестянок. Кто-то кричит: «Вызовите полицию!» – я смотрю, а полиция-то вся тут, в самой гуще.

Прошло совсем не много времени, и беспорядки выплестнулись на улицу, откуда уже доносился рев сирен и прочее. Мы с президентом, Альфредом и миссис Хоупвелл попытались пробица к выходу, но застряли в толпе, и очень скоро на миссис Хоупвелл порвали все платье. Мы с головы до ног в «коке» и в плевках, к одежде прилипли объедки «чокопая» и кексиков, заботливо предложенных компанией «Кока-кола» к новому напитку. Кто-то выкрикнул, что из-за массовых беспорядков мэр Атланты, якобы, объявил «черезвычайное положение»: на Пичтри-стрит толпа повыбила витрины и разграбила магазины, а теперь и до поджогов дошло.

Жмемся мы под козырьком шкап-квартиры, и вдруг кто-то меня узнал, да как заорет: «Вот он!» – я глазом моргнуть не успел, как на меня ринулась тысячная кодла, в том числе и президент «Коки-Колы», и Альфред, и даже миссис Хоупвелл, оставшись в одних трусиках! Не долго думая, припустил я оттуда со всех ног, через главную магистраль, в горку, проселочными дорогами, под градом камней и бутылок. Сцуко, со мной ведь такое уже бывало. Короче, оторвался от толпы, поскольку на это натренерован, но, доложу я вам, такого страху натерпелся!

Через некоторое время выбежал я на двухполостное шоссе, ведущее неизвесно куда, и, завидев свет встречных фар, поднял кверху большой палец. Фары замерли, и что вы думаете: останавливается не большой грузовичок. Я спросил водителя, куда он едет; тот сказал, что «к северу, в Западную Виргинию», и не возрожает меня подбросить, но только если в кузове, потому как в кабине у него пассажирка. Глянул я на эту пассажирку и вижу: на сиденье, сопя и похрюкивая, развалилась здоровенная свинья, весом не менее двух центров.

– Породы «польско-китайская», с родословной, – объясняет водитель. – Зовут Гуртруда. Она меня скоро богачом сделает, я ее всегда в кабине вожу. Но ты устраивайся взади. Там хрюшки попроще. Могут слегка рылом ткнуть, а так – безобидные.

Кое-как втиснулся я в кузов, и мы поехали. Свиной там было с десяток: все захрюкали, заверещали, зафыркали, но вскоре успокоились, подвинулись даже. Через некоторое время дождик припустил.

Да, думаю, бывают же такие перетурбации.

На рассвете следующего дня заехали мы на стоянку для грузовиков, фермер вылез из кабины, обошел кузов.

– Эй, – окликает меня, – как спалось?

– Не плохо, – отвечаю ему из-под свиноматки вдвое больше меня, но от нее хотя бы ночью тепло было.

– Пойдем, что ли, кофейку выпьем да перекусим, – говорит. – Фамилия моя, кстате, Макгиввер.

У входа в закусочную был стенд с газетой «Атланта конститьюшн», а в ней на первой полосе заголовок: СЛАБОУМНЫЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ СПРОВОЦИРОВАЛ МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ В ГОРОДЕ

В статье говорилось так:

Вчера бывший торговец энциклопедиями, подвизавшийся в штате Алабама, представил разработанную им для компании «Кока-кола» новую рецептуру, чем спровоцировал одну из крупнейших вспышек насилия за всю историю Атланты. Его мошенничество было разоблачено в присутствии нескольких тысяч самых

достойных горожан.

Инцидент разгорелся около 19 часов, когда президент компании «Кока-кола» представил общественности бродячего изобретателя-самоучку, торговца фальсифицированными справочными изданиями Форреста Гампа как разработчика нового бренда любимого безалкогольного напитка всей страны. По словам очевидцев, дегустация этой смеси получила резко отрицательную оценку собравшихся, в число которых входили мэр города с супругой, муниципальные советники и члены их семей, а также руководство крупных корпораций самого разного профиля.

Вызванные к очагу скандала полицейские назвали ситуацию «неуправляемой» и рассказали прессе о неслыханных унижениях, которым подверглись представители городской элиты: у женщин были разорваны вечерние и коктейльные платья, повсеместно вспыхивали драки, по залу летали различные предметы.

В какой-то момент волна насилия выплеснулась на улицы, где переросла в бунт: значительный ущерб был нанесен самому респектабельному району в центре города. Близкий к влиятельным кругам источник, пожелавший остаться неизвестным, сообщил: «Хуже этого я видал только бойню шестьдесят четвертого – когда Лестер Мэддокс начал раздавать топорщица в своей забегаловке».

О виновнике нынешней смуты, Форресте Гампе, известно совсем немного. Как утверждают свидетели, он сбежал вскоре после начала потасовки. Из некоторых источников выяснилось, что Гамп, которому сейчас немногим более сорока лет, в свое время играл в футбольной команде университета Алабамы. На условиях анонимности помощник тренера по футболу, работавший в Технологическом колледже штата Джорджия, сказал следующее: «Как же, как же, помню я этого Гампа. Умом не блистал, но бегал, сукин сын, как лось».

Правоохранительные органы распространили ориентировку на Гампа, тогда как компания «Кока-кола», которая базируется в нашем городе, назначила премию в один миллион долларов тому, кто возьмет его живым или мертвым...

Короче, перевернул я эту газетенку другой стороной, мы вошли в закусочную, сели за столик, и мистер Макгиввер стал просвещать меня в свои фермерские

дела в Западной Виргинии.

- Покамест хозяйство у меня небольшое, но дай срок - я стану крупнейшим в мире поставщиком свинины.

- Правда? - говорю. - Как славно.

- «Славно»... надо ж такое ляпнуть: «славно». Работа грязная, вонючая, уважухи никакой, но денежная. «Бекон - в каждую семью» и все такое. От свиновода гибкость требуется. Сами-то хрюшки неприхотливы, но постоянно возникает множество разных вопросов.

- Каких? - спрашиваю.

- Ну, например, в городке Коулвилл, где у меня ферма, народ вечно жалуется на зловоние. Допустим, от свиней запашок тот еще, да и черт с ним, Гамп. Бизнес есть бизнес. У меня тыща свиней, и все жрут да срут. Конечно, будет запах, не без этого. Но я же привык, так чего другие нос воротят?

Он еще порасуждал на счет свиноводства, а потом переключился на меня.

- Слышь, - говорит, - не ты ли устроил вчерашнюю заваруху в Атланте? Там, вроде, целый бунт вспыхнул?

- Ну, не совсем, - отвечаю, слегка покривив душой, но уж очень мне неохота вдаваца в подробности.

- А куда путь держишь? - интересуется мистер Макгиввер.

- Сам не знаю, - говорю ему. - Мне бы работу какую-никакую найти.

- А ты чем по жизни занимался, Гамп? - спрашивает он.

- Да как сказать, - отвечаю. - Чем я только не занимался. Теперь у меня одна задача: снова на ноги встать.

– А ко мне слабо пойти? На ферме всегда дел полно.

И я пошел.

Глава 4

За следующие года два я столько узнал про свиноводство, что даже подумать страшно.

Каких только свиней не разводил мистер Макгиввер: были у него и здоровенные польско-китайские, и породистые гемпширы, и мангалицы, и дюроки, и беркширы, и тамуорты, и чеширы. Держал он и несколько овец-мериносов, с виду жудковатых, но утверждал, что «на них глаз отдыхает».

Моя обязанность, как я очень скоро понял, состояла в том, чтобы выполнять все обязанности. Утром и вечером задавать свиньям жидкий корм. Ходить с лопатой, чтобы собрать как можно больше свиного дерьма, которое мистер Макгиввер продавал фермерам-земледельцам в качестве навоза. Еще я чинил изгороди, кое-как поддерживал чистоту в свинарнике. Раз в месяц грузил в кузов свиней, намеченных мистером Макгиввером для продажи, и вез на рынок – в Уилинг или куда прикажут.

Однажды возвращался я со свиних торгов – и в голову мне пришла богатая идея. Дорога тянулась вдоль крупной воинской части, вот я и подумал: наверняка там куча жратвы на выброс идет. Ну, то есть, когда я сам служил в армии, хоть это и было давным-давно, меня частенько ставили в наряд по кухне, поскольку на мою задницу вечно сыпались какие-нибудь неприятности. Мне запомнилось, что съесное просто ведрами выносили из столовки в мусорный бак, и сейчас я подумал: что если эти пищевые отходы отдавать свиньям? Комбикорма стоили не дешево, и мистер Макгиввер сетовал, что из-за их дороговизны не может заметно расширить свое дело. Тормознул я у контрольно-пропускного пункта и сказал, что хочу переговорить с командованием. Провели меня в тесный кабинетик. За столом сидит здоровенный чернокожий мужик; оборачиваеца – и что я вижу? Это сержант Кранц, который во Вьетнаме был у нас командиром роты. При виде меня он чуть из кожи не выскочил!

– Боже правый! Ты ли это, Гамп? Какими судьбами?

Ну, рассказал я ему, а он так заржал, что у него чудом штаны не лопнули.

– Свиновод! Это надо же, Гамп! С твоим-то послужным списком... Почетный Орден конгресса, одно, другое... тебе бы сейчас генералом быть или, на худой конец, сержант-майором, как я! Отходы для свиней... хм... почему бы и нет? Ступай-ка в столовую, Гамп, потолкуй там со старшим сержантом. Скажи, что я приказал отдать тебе все объедки – сколько увезешь.

Вспомнили мы с ним войну, Буббу, летенанта Дэна, еще кой-кого из наших. Я рассказал, как на чемпионате по пинпонгу отличился в Китае, как в лапы НАСА попал, как организовал креведочный бизнес, как в футбол играл за «Новоорлеанских святых». Он порожаеца, да что уж теперь – каждому свое. А сам он, по его словам, дожидался трицатилетней выслуги, чтоб уйти в отставку и открыть такой салун, куда штацким вход воспрещен, будь ты хоть сам президент. На прощанье сержант Кранц похлопал меня по спине, а когда я вернулся на ферму с полным кузовом пищевых отходов, мистер Макгиввер на радостях чуть не заплясал.

– Черт побери, Гамп, – кричит, – просто блестящая идея! Как же я сам не додумался? Да эти армейские объедки позволят нам за считанные месяцы вдвое... да что там – вчетверо увеличить привес!

Мистер Макгиввер остался так доволен, что поднял мне почасовую ставку на пятьдесят центов и стал каждую субботу давать выходной. Так что у меня появилась возможность поболтаца по городу. В Коулвилле занять себя особо нечем. Население – несколько тыщ человек, среди них полно безработных, потому как угольный пласт, давший рождение этому населенному пункту, совсем истащился. Вход в шахту теперь огромным глазом смотрел со склона на город, где на площади перед зданием суда день за днем сидели мужики и резались в шашки. Была там закусочная под названьем «Этта», куда старики-шахтеры ходили пить кофе; иногда заглядывал туда и я, чтоб послушать их рассказы про старые времена, когда еще шахта работала. Если честно, такое времяпровождение меня слегка удручало, но все лутше, чем сутками на свиноферме копытица.

Со временем я договорился о регулярном вывозе отходов из воинской части. Первым делом нужно было отделить пищевые отходы, которые шли на корм свиньям, от салфеток, бумажных пакетов, картонных коробок и всякой протчей дряни. Но сержант Кранц решил и этот вопрос. Он распоредился, чтобы каждый кухонный наряд сам сортировал мусор. Для этого возле кухни поставили два бачка: на одном написали «съедобное», на другом – «несъедобное». И все шло как по маслу до тех пор, пока не настал родительский день: солдацкие мамы-папы, решив, что «съедобным» кормят их сыновей, настучали генералу. Пришлось нам зашифровать маркировку бачков, а в остальном все осталось как прежде. Через пару месяцев дела наши так стремительно пошли в гору, что мистеру Макгивверу потребовались еще два грузовика для доставки отходов, и через год у нас на откорме уже была семь тыщ восемьдесят одна свинья.

В один прекраснй день получаю я письмецо от миссис Каррен. Пишет она, что близица лето и хорошо бы Форресту-младшему побыть некоторое время со мной. Мне показалось, хотя прямо об этом у ней не говорилось, что у малыша Форреста не все благополучено. Она скорее намеками дала понять, что, дескать, «мальчишки – они и есть мальчишки», а потом добавила, что успеваемость у него не много снизилась «и, возможно, общение с папой могло бы пойти ему на пользу». Ну, черкнул я ответ, чтоб она с началом каникул посадила его в поезд, и где-то через месяц он сошел на станции Коулвилл.

Я глазам своим не поверил! Мой сын вытянулся на целую голову, красавчег стал, волосы русые, глаза такие хорошие – чистые, голубые, как у его мамы были. Но при виде меня он даже не улыбнулся.

– Как, – интересуюсь, – добрался?

– Куда я попал? – спрашивает он за место ответа, а сам озираецца и носом водит, будто на гороцкой свалке оказался.

– Я теперь тут живу, – сообщаю ему.

– Ты шутишь? – говорит он.

У меня возникло такое ощущение, кабудто настрой у малыша Форреста изменился.

- Раньше здесь добывали уголь, - рассказываю ему, - пока он не иссякнул.

- Бабушка сказала, ты фермером заделался... это правда?

- Типо того. Хочешь ферму посмотреть?

- Можно, - отвечает он. - Не торчать же на станции.

Повез я его на ферму к мистеру Макгивверу. На подъезде, примерно за пол мили, Форрест-младший начал обмахиваца обоими руками и зажимать нос.

- Чем, - спрашивает, - так воняет?

- Свињьями, - говорю. - На ферме мы свињей разводим.

- Блин, угораздило же меня вляпаца в такое говно! Ты хочешь, чтобы я все лето провел среди вонючих свињей?

- Слушай, - говорю, - понятно, что отец из меня был никудашный, но сейчас я пытаюсь исправить наше с тобой положение, а другой работы пока нет. И попрошу тебя в здешних краях избегать таких слов, как «говно». Ты мал еще.

Он умолк, а когда мы приехали к дому мистера Макгиввера, ушел в отведенную ему комнату и затворил дверь. До ужина носу оттуда не казал, а когда сел за стол, только вилокй в тарелке поковырялся.

Дождавшись, чтоб он лег спать, мистер Макгиввер закурил трубку и спрашивает:

- Малой, вроде, не в восторге, правильно я понимаю?

- Да, - говорю, - типо того, но, думаю, через пару дней освоица. В конце-то концов, мы столько времени не виделись.

- Знаешь, Гамп, я считаю, нужно его к делу приставить. Может, повзрослеет чуток.

- Да, - говорю, - все может быть.

Пошел я тоже на боковую. Настроение - ниже плинтуса. Закрыв глаза и стал думать о Дженни, надеясь, что она снова появица и даст мне дельный совет, но этого не случилось. Остался я один на один со своими заботами.

А утром позвал малыша Форреста помочь мне задать корм свиньям. Его аж перекосило. Весь тот день и следующий молчал, хорошо, если пару слов по необходимости выдавил. На конец пришла мне одна мысль.

- У тебя дома, - спрашиваю, - есть собака или еще какая-нибудь живность?

- Нету.

- А хотел бы?

- Не-а.

- Готов поспорить - захочешь, если я тебе кой-чего покажу.

- Какую-то скотину?

- Иди, - говорю, - за мной.

Привел я его в свинарник, а там в не большой выгородке здоровенная свиноматка породы дюрок выкармливала шестерых поросят двух месяцев отроду; я среди них давно одну свиношку заметил: лутшую, я извиняюсь, в помете. Глазки ясные, голубые, на зов откликаеца, сама белая с черным, ушки на макушке.

- Я имя ей дал, - говорю, - Ванда.

Беру ее на руки и протягиваю малышу Форресту. Тот принял ее нехотя, но все же принял, и Ванда начала в него пяточком тыкаца и совсем по-щенячьи облизывать.

- А почему Ванда? - спрашивает он на конец.

- Сам не знаю. Наверно, в память об одной старой знакомой.

Ну, после этого малыш Форрест стал глядеть веселей. Не на меня, разумеется, но к Ванде прикипел. Ее все равно пришлось бы вскоре отлучать от свиноматки, так что мистер Макгиввер не возрождал - чем бы дитя не тешилось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/grum_uinston/gamp-i-kompaniya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)